Корпус заимствований формируют композиты-кальки. Отношения в структуре ономаσιологического признака русской кальки в большинстве случаев тождественны отношениям в структуре ономаσιологического признака калькируемого из греческого или латинского языка слова. В редких случаях эти отношения не совпадают, что позволяет говорить о разном восприятии действительности носителями разных языков. Отмечены случаи, когда при формировании значения композита-кальки в древнерусском языке присутствует семантический сдвиг: калькированная лексема расширяет заимствованное значение, что выявляется при анализе ономаσιологического признака слова в языке-доноре и в языке-реципиенте.

Библиографические ссылки

1. Кожевникова А. А. Типология сложных слов в языке русской деловой письменности XI–XVII веков (ономаσιологический аспект): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2007.
2. Трофимович Т. Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. Минск : БГПУ, 2003.
3. Языковая номинация. Общие вопросы / А. А. Уфимцева [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1977.

ПРЕДМЕТНЫЙ КОД В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Н. С. Протасеня

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, nlna@tut.by*

В статье показано, каким образом предметный код участвует в отражении некоторых сфер жизни человека, какая национально-культурная информация в нем содержится (о внутреннем мире человека, межличностных отношениях, качественных оценках и свойствах личности). Показано сходство русского и китайского языков в реализации предметного кода. Обнаружены типологически сходные и национально-специфические фразеологические единицы, отражающие предметный мир человека.

Ключевые слова: лингвокультура; фразеологические единицы; культурные коды; предметный код культуры.

В современной лингвокультурологии установление и описание культурных кодов является одним из самых перспективных направлений. Исходя из общепринятого толкования кода как «системы услов-

ных обозначений или сигналов для передачи (по каналу связи), обработки и хранения различной информации» [1, с. 436], под термином «культурный код» понимают систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов и используемых для кодирования новой информации (Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова [2, с. 5], В. В. Красных [3, с. 138], В. А. Маслова [4, с. 79], В. Н. Телия [5, с. 18]).

В. В. Красных определяет культурный код как «сетку», которую культура «набрасывает на окружающий мир» и с помощью которой «членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [3, с. 138]. Коды культуры, как отмечает автор, соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека, и именно они эти представления и «кодируют». «Коды культуры как феномен универсальны по своей природе, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [6, с. 298].

В. Н. Телия называет кодом культуры «таксономической субстрат ее текстов»: «этот субстрат представляет собой совокупность культурных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественных-количественных измерений» [7, с. 20]. По ее мнению, коды культуры реализуются, как правило, в сакральных текстах, метафорах, паремиях, фразеологизмах, так как именно они обладают повышенной степенью символичности и отражают национальную специфику языка.

Между кодами культуры не существует четких границ. Они определяют и обуславливают друг друга, поэтому на сегодняшний день точное количество кодов еще не установлено. Исследования авторитетных ученых (например, В. В. Красных [6], Г. В. Токарева [8]) дают возможность выделить базовые коды, такие как соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. В. А. Маслова предлагает более обширную классификацию культурных кодов, в которой выделяет космогонический, соматический, пространственный, количественный, временной, предметный, природно-ландшафтный, гастрономический, обонятельный; код одежды и др. [4, с. 80].

Некоторые из кодов русской лингвокультуры уже хорошо изучены и описаны, например соматический [9], пищевой [10; 11], духов-

ный [4], зоологический [12], вещный [10]. Часть работ выполнена в рамках сопоставительных исследований, в частности на материале русского и китайского языков. Достаточно подробно описаны китайско-русские соответствия в реализации телесного кода [13]. Например, в диссертационном исследовании Ляо Саонянь, проведен комплексный лингвокультурологический анализ единиц русского языка, в которых закреплено представление русских о времени, на фоне данных китайского языка и таким путем выявлена специфика «русского времени» относительно «китайского времени» [см.: 14].

Объектом исследования в данной статье является воплощение предметного кода культуры в русских и китайских фразеологизмах. Предметный код культуры включает в себя «совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы, в том числе повседневного обихода, и приписываемые им свойства. Данные имена несут в дополнение к природным свойствам именованных объектов и предметов функционально значимые для культуры смыслы, придающие этим именам роль знаков «языка» культуры» [10, с. 97]. Предметный код реализуется в языке как «набор технических, строительных, транспортных, астрономических метафор» [15, с. 92], в том числе образных переосмыслений, лежащих в основе фразеологических единиц разного типа. **Цель** публикации – выявить и сопоставить национально-культурные эталоны, относящиеся к предметному коду, на материале русских и китайских фразеологических единиц.

По формулировке В. Н. Телия, целью лингвокультурологического анализа фразеологизмов является обнаружение «культурно-национальных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [16, с. 44]. Для анализа были отобраны русские и китайские фразеологизмы, содержащие наименования предметов быта, обихода, инструментов, средств передвижения, сооружений. Источниками языкового материала послужили «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телия [17], «Китайско-русский фразеологический словарь» О. М. Готлиб и Му Хуаин [18], «Большой словарь чэньюй» [19].

Фразеологизмы как единицы предметного кода культуры могут фиксировать различные фрагменты опыта, в том числе связанные со **взаимоотношениями людей**. Это обширная группа, в рамках которой

выделяется несколько подгрупп. Рассмотрим подгруппу, характеризующую отношения негативного характера. В русской лингвокультуре эти отношения воплощаются через образные ассоциации с национальными эталонами – орудиями, бытовыми предметами, частями предметов как участниками типовых ситуаций, например *клин*, *крючок*, *палка* (в отношении к *колесам*), *коса* (по отношению к *камню*), *бисер*; строениями и их составляющими, например *изба*, *угол*, *порог*, *ворота*, *дверь*, *мост* и др. Среди китайских национально-культурных эталонов плохих отношений или неконструктивного взаимодействия между людьми можно назвать такие знаки, как 梗 ‘палка’, 门 ‘дверь’, 钉子 ‘гвоздь’, 鼎 ‘треножник’, 箭 ‘стрела’ и др.

Одним из эталонных образов разобщения в русской лингвокультуре выступает *клин* (орудие в виде продолговатого куска твердого материала, которое сужается от одного конца к другому, благодаря чему одной из его функций является фиксация объектов с целью их разъединения): *вбивать клин между кем-либо* ‘разобщать кого-либо’. *Крючок* (в прямом значении ‘стерженек с небольшим загибом на конце для зацепления; металлическая зацепка, служащая для запираания двери или застегивания одежды; приспособление для рыбной ловли’) метафорически выражает идею контроля, подчинения: *держаться на крючке* ‘контролировать’, ‘управлять’, ‘диктовать свою волю’. *Мост* в русском языковом сознании выступает в качестве символа соединения, связующего звена. Его ликвидация имеет символическое значение ‘полный разрыв связи с кем-либо или чем-либо’: *сжег все мосты*.

Фразеологизм *вставлять палки в колеса* восходит к обычаю использовать специальные палки для замедления хода телеги, повозки и других средств передвижения. *Колесо* и *палка* в данном фразеологизме кодируют идею движения и препятствование ему. Библейское выражение *метать бисер перед свиньями* ‘высказывать мысли и чувства тому, кто не способен понять и оценить их по достоинству’, цитирующее Нагорную проповедь Иисуса, прочно вошло в фонд русской лингвокультуры, благодаря чему лексема *бисер* обрела коннотацию ‘нечто достойное, заслуживающее высокой оценки’ и вошла в число лексем – носителей предметного кода. Фразеологизм *нашла коса на камень* – результат метафоры, уподобляющей ситуацию столкновения равных по силе характеров, взглядов, интересов обиходно-бытовой ситуации, когда при косьбе коса наталкивается на твердый камень. Сочетание компонентов *коса* и *камень* во фразеологизме кодирует

отношения непримиримости. В образной основе фразеологизма *выносить сор из избы* 'разглашать дела и события, касающиеся узкого круга лиц' отражен ритуал-оберег, согласно которому по «вещным» следам деятельности человека можно навести на него порчу. *Сор* ('пыль, мелкий мусор') воспринимается в русском языковом сознании как символ того, чем можно опорочить; слово *изба* кодирует идею семьи, персонального пространства.

Образы фразеологизмов, имеющих в своем составе конструктивные элементы дома (*ворота, дверь, угол, порог*), восходят к архетипической форме осознания мира, противопоставляющей «свое» и «чужое» пространство. *Ворота* символизируют границу «своего» пространства, и соответственно фразеологизм *от ворот поворот* 'категорический отказ', исторически связанный с обрядом сватовства («поворотом оглоблей» в случае отказа), представляет отрицательный ответ как запрет хозяина находиться на его территории. В отличие от *ворот, дверь* со времен древних славян была не только символом границы – в предметном коде культуры *дверь* выступает как символ канала связи с окружающим миром: открытая дверь символизирует свободу и желание вступить в контакт, закрытая – отказ впускать кого-то в свое пространство, иметь с кем-либо дело: *указать на дверь* 'приказать уйти', *дверям поклониться* (шутл.) 'пойдя к кому-л. или куда-л., найти дверь запертой', 'не застать дома или опоздать', *двери на запор от кого-л., закрыть двери дома для кого-л.* (устар.) 'прекратить всякие отношения с кем-л.', *при закрытых дверях* (офиц.) 'без посторонних, без публики и прессы'.

Порог в славянской мифологии воспринимается как оберег и образует непреодолимое препятствие для нечистой силы. В образной основе фразеологизма *не пускать на порог* 'не желать иметь никаких отношений' отражено множество ритуально-обрядовых действий. Ср., например: «согласно обычаю, в Древней Руси невеста не должна была одна переступить порог дома, где ей предстояло жить с мужем. Традиция, в соответствии с которой жених вносит ее в дом на руках, сохраняется и до сих пор. В повседневной жизни людям также обычно запрещалось садиться или вставать на порог здороваться через него и пр.» [17, с. 44].

Угол – амбивалентная единица культурного кода, выступающая как эталон укромного, защищенного места (*иметь свой угол*), так и места удаленного, глухого (*медвежий и глухой угол*), незаметного,

тайного места (*из-за угла* ‘вероломно, исподтишка’, *по углам* ‘тайком, скрытно’). Угол также может символизировать тупик, безвыходное положение: *загнать в угол*.

Некоторые образы предметных реалий в китайских фразеологизмах схожи с образной семантикой русских фразеологизмов. Образ палки (梗) также символизирует препятствие: *从中作梗* (букв. ‘изнутри ставить палку’). В образной основе фразеологизма *杜门谢客* ‘отказаться от общения’ (букв. ‘закрыть дверь и отказаться принять гостей’) лежит метафора, которая основана на символической функции **двери** (门) как средства изоляции, «отграничения» объекта от окружающего мира, затворничества. Закрытая дверь выступает как метафора отказа, недоступности общения с каким-либо лицом: *吃闭门羹* (букв. ‘поцеловать закрытую дверь’). Лексема **钉子** ‘гвоздь’ является образным эталоном отказа. В Древнем Китае существовал обычай, согласно которому парадные двери высшего сословия украшали клепальными гвоздями. Простому народу было сложно попасть на прием к чиновнику, зачастую приходилось оставаться за дверью. Именно поэтому возникло выражение *碰钉子* (букв. ‘наткнуться на гвоздь’).

Фразеологизм *三足鼎立*, имеющий значение ‘противостояние трех сильных сторон’, основан на образе **треножника** (предмет домашней утвари, который в Древнем Китае использовался для приготовления и хранения мяса, а также как церемониальный сосуд при императорских дворах). Треножник является символом власти и ассоциируется с высоким положением в обществе. Образ **стрелы** символизирует тайное оружие, несущее угрозу жизни человека: фразеологизм *暗箭伤人* (букв. ‘убить тайной стрелой’) характеризует коварное поведение.

Как видно из приведенного материала, в обеих лингвокультурах отмечаются совпадающие эталонные образы, свидетельствующие о типологическом сходстве культурных кодов: *палка/梗* ‘палка’, *дверь/门* ‘дверь’. Наличие таких совпадений в неродственных языках обусловлено сходством элементов быта и едиными принципами мышления. В то же время выявлены единицы, характеризующиеся национальной специфичностью: только в русском предметном коде зафиксированы такие образные эталоны негативных взаимоотношений, как *клин, крючок, коса, бисер, изба, угол, порог, ворота, мост* и др.; только в китайском – такие единицы, как *钉子* ‘гвоздь’, *鼎* ‘треножник’, *箭* ‘стрела’ и др. Наблюдения над единицами предметного кода в русском

и китайском языках показывают, что в обеих лингвокультурах эта подсистема знаков включает богатый пласт устойчивых выражений, которые участвуют в описании многих сфер жизни человека: интеллектуальной и эмоционально-оценочной деятельности, психического и физического состояния, отношений между людьми.

Библиографические ссылки

1. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.
2. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007.
3. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : лекц. курс. М. : Гнозис : Кучково поле, 2001.
4. Маслова В. А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского // Метафизика. 2016. № 4 (22). С. 78–97.
5. Фразеология в контексте культуры: сб. ст. / сост. В. Н. Телия. М. : Яз. славян. культуры, 1999.
6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003.
7. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Пробл. гр. «Общ. фразеология» ; отв. ред. В. Н. Телия. М., 1999. – С. 13–24.
8. Токарев Г. В. Отражение образа человека средствами зооморфного кода в хинди и русской лингвокультуре // Теория яз. и межкультур. коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 77–88.
9. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002.
10. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры ; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Изд. 3-е. М. : ЛЕНАНД, 2016.
11. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
12. Ватлецов С. Г. Систематика зооморфной лексики и ее англо-русская эквивалентность : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Н. Новгород, 2001.
13. Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Моск. гос. ун-т, Ин-т стран Азии и Африки. М., 2004.
14. Лян Сяонань. Русский темпоральный код в свете лингвокультурологического подхода (на фоне китайского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008.
15. Маслова В. А. Коды лингвокультуры : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2016.

16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

17. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / [авт.-сост.: И. С. Брилева и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. [4-е изд.]. М. : Аст-пресс, 2009.

18. Китайско-русский фразеологический словарь / О. М. Готлиб, Му Ху-аин ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. Изд. 2-е. М. : ИГУ, 2019.

19. 成语大词典 [电子资源] ‘Большой словарь чэньюй’ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esk365.com/chengyu/> (дата обращения: 10.10.2021).

ЛИЧНОЕ ИМЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

*И. Э. Ратникова*¹⁾, *Хоанг Тхи Бен*²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ratnikova@list.ru;*

²⁾ *Институт внешней торговли,
91 Чуаланг, Донгда, 11500, Ханой, Вьетнам, hoangben2010@ftu.edu.vn*

В статье рассматривается мотивационный уровень антропонимической языковой личности, который реализуется в процессах наречения и восприятия имен. Материал исследования получен методами интервью и анкетирования белорусских (русскоязычных) и вьетнамских респондентов. Выявлены сходные принципы и мотивы личного именования в русской и вьетнамской лингвокультурах. Показана национальная специфика антропонимической языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность; мотивационный уровень; принципы и мотивы имянаречения; ономастическое сознание.

1. Антропонимический аспект языковой личности. Изучение феномена «языковая личность» на протяжении почти ста лет, со времен Й. Вайсбергера и В. В. Виноградова, отразилось в широком спектре определений этого ключевого понятия лингвокультурологии и многоаспектной типологии самого феномена. Работы в области русистики демонстрируют устойчивый авторитет точки зрения Ю. Н. Караулова, способствовавшего введению термина в широкий научный обиход в СССР и определившего языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [1].